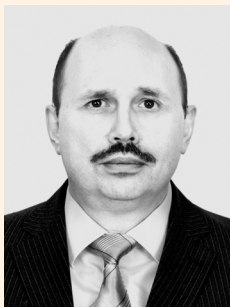

Длинноволновая динамика и современные дефляционные тренды: анализ и прогнозы

Об авторах

Леонид Гринин
доктор философских наук,
главный научный сотрудник
lgrinin@mail.ru

Лаборатория мониторинга
рисков социально-политической
дестабилизации НИУ
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

Андрей Коротаев
доктор исторических наук,
профессор, заведующий
akorotayev@gmail.com

Ключевые слова

дефляция, длинные циклы, понижательная фаза длинного цикла, повышательная фаза длинного цикла, депрессия

Основные тезисы

- Возврат угрозы дефляции в последние годы — достаточно закономерное явление, так как смена инфляции и дефляции на довольно длительных интервалах носит циклический характер, что отражено в длинноволновой теории Н. Д. Кондратьева.
- В современной мировой экономике на глобальном уровне нет отработанного антициклического механизма, и поэтому во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры.
- Мы предполагаем, что во второй половине 2017 – 2018 году начнется новый экономический кризис особого типа, характерный для понижательных фаз длинных циклов: ползучий, без резких падений, в виде медленного втягивания в рецессию с усилением депрессивных явлений, который затем перейдет в достаточно долгий депрессивный период.

Возврат угрозы дефляции в последние годы на первый взгляд кажется странным, но на самом деле это достаточно законо-

мерное явление. Причина дефляции в настоящий момент кроется в том, что смена инфляции и дефляции на довольно дли-

тельных интервалах носит циклический характер и имеет характер длинных волн (или циклов), что было замечено задолго до Н. Д. Кондратьева. Он сумел увидеть за этим феноменом, который до этого просто отмечался некоторыми экономистами, закономерное явление и предложил рассматривать такие колебания как длинные циклы, которые имеют эндогенную природу. Согласно его теории, во время длительного подъема (повышательной фазы длинного цикла) преобладают периоды инфляции, которая дополнительно разгоняет спрос. Во время длительных периодов, когда рост слабый, а депрессия длится много лет (понижательная фаза длинного цикла), напротив, преобладают периоды дефляции [3], как, например, видно на рис. 1 в период Великой депрессии.

Причины длиннопериодических колебаний и проблема взаимоотношения средних и длинных циклов рассмотрены нами в ряде работ, например в [1].

Эта логика в отношении колебаний цен перестала работать на понижительной фазе четвертой К-волны в 1970-е – 1980-е гг., когда снижение темпов роста ВВП сопровождалось не дефляцией, а инфляцией. Это новое явление получило название **стагфляции**. Конечно, важнейшую роль здесь сыграли повышения цен на энергоносители в результате действий картеля ОПЕК, а также на другое сырье и отход от золотого стандарта. В 1980–1990-е гг. инфляция оставалась довольно долго одной из важнейших про-

блем западных стран, а дефляция была скорее исключением, как это наблюдалось в Японии в результате «сдутия пузыря» недвижимости в 1990-х гг. (рис. 2; подр. [2]).

В итоге складывалось убеждение, что ценовые ритмы изменились. С одной стороны, в этом был резон, так как более искусные и научно обоснованные антициклические меры правительств влияли на характер длинных ценовых волн. Но, с другой стороны, в повышательной фазе пятой Кондратьевской волны (1980-е–2000-е гг.) в связи с глобализацией усилились экономические и финансовые связи в мировой экономике. А поскольку на глобальном уровне нет сильного и отработанного антициклического механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне, то на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры. Поэтому мы пришли к выводу, что в глобальной экономике во многих отношениях произошел возврат к прежней (дорегулируемой) форме протекания экономических циклов.

Это и объясняет возврат дефляции на понижительной фазе пятой К-волны, то есть в настоящее время (как представлено на рис. 3 в отношении Франции и Швейцарии, похожая ситуация сложилась и в других развитых странах).

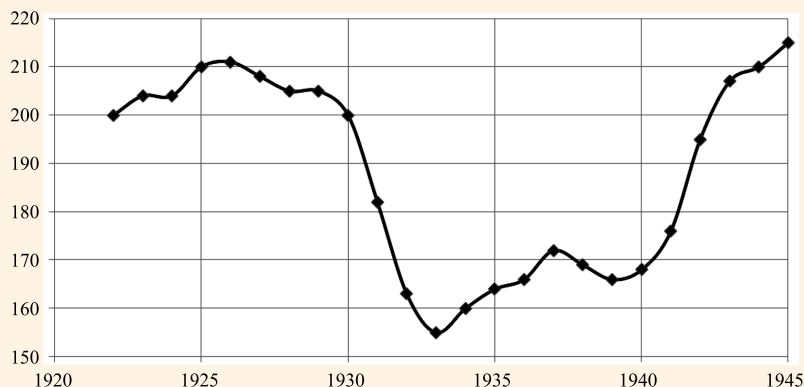

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен США, 1922–1945 гг. (в % от уровня 1860 г.)
Источник: [4, p. 16–17 (Table 1)]

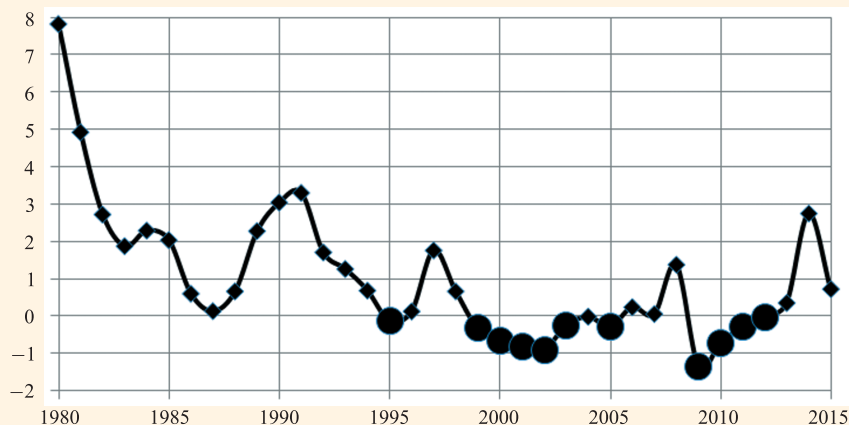

Рис. 2. Динамика темпов инфляции (% в год) в Японии, 1980–2015

Источник: IMF 2016. Рассчитано по индексу потребительских цен

Примечание: Черные кружки обозначают годы с отрицательными значениями инфляции (то есть дефляционные годы)

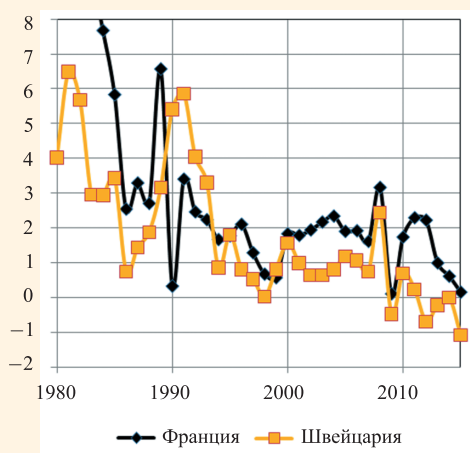

Рис. 3. Динамика темпов инфляции (% в год) во Франции и Швейцарии, 1980–2015 гг.

Источник: IMF 2016. Рассчитано по индексу потребительских цен

Несмотря на очень активные монетарные меры ЦБ, угроза дефляции не отступает, а ценовые «пузыри» начали сдуваться. Это связано именно с глобализацией мировых финансов и мировой экономики при отсутствии должного уровня регулирования. Против мировых тенденций не устоял даже такой, казалось бы, апробированный механизм, как

договоренности ОПЕК. Они фактически перестали работать (и если и будут далее работать, то далеко не так эффективно, как ранее).

Возник парадокс — деньги в экономику ЦБ вливают в огромных масштабах, процентные ставки снижены практически до нулевого японского уровня, все активнее вводятся отрицательные ставки, а инфляция не растет. Мы объясняли это тем, что усилия ЦБ только частично могут компенсировать сокращение других денежных механизмов, которые в предыдущие годы вызывали бум [2]. Беспрецедентные действия центральных банков, прибегающих к эмиссии в разных формах и другим финансовым технологиям для насыщения экономик дешевыми деньгами, не дают развиваться дефляционному тренду в полной мере, тем не менее в целом он становится все более очевидным. Он захватывает уже и развивающиеся экономики, в том числе Китай, хотя еще в 2011 г. для китайского руководства инфляция была важнейшей и наиболее тревожной проблемой. Итак, хотя без этих вливаний ЦБ дефляция бы усилилась, а вместе с этим увеличилось бы число банкротств и снизился бы рост ВВП, уже очевиден тупик, к которому приведут такие меры. Мы считаем, что при таких низких ставках уже перейден порог предельной полезности, новые вложения не работают. Соответ-

ственно, падает отдача. Главная проблема сегодня — отсутствие выгодных и/или безопасных вложений для гигантски увеличившихся с 1990-х гг. денежной массы и денежных производных инструментов.

Западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Сегодняшняя уникальная ситуация для многих стран, когда их долг растет, а стоимость обслуживания долга (за счет повышения стоимости гособлигаций и соответственно понижения их доходности) даже уменьшается, хотя в краткосрочном периоде и выгодна, в реальности загоняет эти страны в ловушку. Во-первых, страдают пенсионные и социальные фонды данных государств, которые не смогут в результате низких бонусов обеспечить рост пенсионно-социальных накоплений для десятков миллионов будущих пенсионеров. Во-вторых, такая ситуация снижает возможность нового витка экономического роста, поскольку появление новых сфер выгодных инвестиций неизбежно повысит стоимость кредита, тем самым обслуживание значительно выросшего государственного долга станет очень тяжелым, а то и неподъемным делом.

Исходя из этого, мы делаем прогнозы на ближайшее время.

Последние изменения в мировой экономике, сырьевых отраслях, на фондовых рынках и в политике центральных банков свидетельствуют об усилении депрессивных и дефляционных явлений. Мы предполагаем, что в 2016 и 2017 гг. эти явления будут усиливаться. *Мировая экономика движется к новому финансово-экономическому кризису.* Но в отличие от 2008 г. это будет, вероятно, не внезапный коллапс, а скорее *медленное втягивание в рецессию и финансовое сжатие* для некоторых сегментов экономики, что окажет кумулятивное влияние на финансовый сектор и другие области экономики.

Мы предполагаем, что более явные признаки кризиса, когда уже можно будет говорить именно о кризисе, а не о его предвестниках, могут проявиться во второй половине 2017 г. или в 2018 г. При этом весьма вероятно *нас ожидает имен-*

но «вязкая» рецессия без значительных провалов, но и без возможности изменить ситуацию в течение 2–3 или даже более лет.

Почему данная ситуация отличается от событий 2008 г.? С одной стороны, различные негативные проявления в экономике в 2015 и начале 2016 г. в тех или иных моментах напоминают ситуацию в 2006–2007 гг. с началом ипотечного кризиса, усилением волатильности на фондовых рынках и другими предвестниками кризиса, которые казались преодолимыми и временными. С другой стороны, ситуация существенно отличается.

Во-первых, кризис 2008 года был кризисом между повышательной и понижательной фазами пятой К-волны, а такие переломные кризисы приобретает особую силу. Это также объясняет столь большой масштаб кризиса 2008–2010 так же, как и кризиса 1974–1975 гг.

Во-вторых, период до 2006–2008 гг. — это повышательная фаза кондратьевской волны (пятой К-волны). Для повышательной фазы характерна инфляция и рост ценовых «пузырей», что мы и наблюдали в начале 2000-х гг. Однако кризисы понижательных фаз кондратьевских волн носят иной характер, они менее ярко выражены (коллапсы и обвалы могут отсутствовать или не быть столь сильными), поскольку предшествующие подъемы были относительно слабыми. Но эти кризисы носят более стабильный и затяжной характер. Мы предполагаем, что ближайший кризис (который начнется во второй половине 2017 г. или в 2018 г.) будет именно таким.

Поскольку дефляция характерна для понижательных фаз кондратьевских волн, мы предполагаем дальнейшее усиление дефляционных явлений (разумеется, с колебаниями и вариациями в разных странах). На усиление дефляционных процессов может оказать влияние и «проедание» национальных фондов нефтедобывающих стран, и сокращение инвестиций нефтяными и другими сырьевыми корпорациями, и ряд других обстоятельств. Усиление этих трендов может выразиться и в дальнейшем «сдутии пузырей».

В настоящий момент мы фактически и наблюдаем такое «сдутие» (в последние два года это нефтяной и другие

сырьевые «пузыри»), которые оставались после 2008 г. и могли оставаться за счет мягкой эмиссионной политики ЦБ. В этой связи мы предполагаем, что нефтяные цены и цены на другое сырье хотя и могут несколько повыситься (за счет ухода с рынка менее эффективных игроков), но они и близко не достигнут тех максимальных уровней, которые имели два-три года назад.

В настоящее время в мире имеется несколько «пузырей». Это «пузыри» фондовых активов, доллар (рост стоимости которого уже создает большие сложности для развития всех экономик, включая США), а также и «пузырь» национальных долгов, поскольку государственные облигации стали прибежищем для инвесторов. В этой связи мы предполагаем, что в ближайшие годы фондовые индексы будут весьма волатильными, но общий тренд будет постепенно и с колебаниями идти вниз. Таким образом, «фондовый пузырь» будет постепенно (но не резко) сдуваться, возможно достигнув в итоге уровня 2009 г. Такому тренду будет способствовать и уменьшение доходности корпораций, что мы уже наблюдаем в 2016 г.

Относительно доллара можно сказать, что, хотя объективно его стоимость завышена, в ближайший год-полтора более вероятно, что не будет его заметного снижения, поскольку пока ФРС продолжает настаивать на повышении ставок (правда, риторика все смягчается), а американская экономика хотя и относительно небольшими темпами и неоднозначно, но продолжает расти. Поэтому доллар будет оставаться для инвесторов более надежным активом. Но уже в течение предсказанного выше кризиса можно ожидать в связи с ухудшением экономической ситуации в США и соответствующими действиями по смягчению монетарной политики ФРС падения курса доллара по отношению к другим валютам. Это, кстати, может несколько (но не радикально) противодействовать дефляционным трендам. Не исключено, однако, что ФРС уже в 2016–2017 гг. начнет сознательно толкать курс доллара к понижению.

Что касается «пузыря» государственных облигаций, то здесь ситуация будет неоднозначной. В настоящее время в связи с резким сокращением сфер выгодного

приложения капиталов, которые, как мы предполагаем, продолжат сокращаться, для инвесторов главным остается именно сохранение своих капиталов. Особенно это касается таких консервативных инвесторов, как пенсионные и иные социальные и национальные фонды. В связи со сказанным, скорее всего, «пузырь» государственных облигаций будет продолжать «надуваться», однако это будет касаться только рынка надежных гособлигаций (американских, немецких, японских). Но даже здесь все более важным держателем гособлигаций будут оставаться ЦБ этих стран. Что же касается рынка облигаций менее надежных государств, который оправился от кризиса 2009–2011 гг., он если и будет расти, то недолго, а далее вновь может послужить источником общего кризиса.

Количество инвесторов, предпочитающих более рискованные операции, сократится, о чем уже свидетельствуют проблемы многих хедж-фондов. В этой связи можно ожидать, что отсутствие сфер выгодного вложения для инвесторов, во-первых, поддержит рынок золота и, возможно, других драгоценных металлов, в перспективе эти рынки будут расти. А во-вторых, может усилить мобильность части капитала, который будет стремиться прийти на любой рынок, где ожидается более высокая прибыль, но это также будет способствовать потере капитала в результате падений или снижений этих рынков. Пример с шанхайским и другими фондовыми рынками в Китае показывает, как это может происходить.

Описанная ситуация, в том числе с проблемами государственного долга, дает основания предполагать, что предсказанный нами кризис и депрессия (в 2017/2018 и в последующие годы) будут затяжными. Как и в период 2010–2015 гг., здесь могут наблюдаться подъемы, но они (в полном соответствии с теорией длинных циклов) будут вялыми.

В целом выход из депрессии будет связан с завершением понижательной фазы пятой кондратьевской волны и началом повышательной фазы шестой кондратьевской волны (примерно в 2020-х гг., наиболее вероятно — в середине 2020-х гг., но, возможно, и ранее).

Литература

1. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюглярских циклов). Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 15–73.
2. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Дефляция как болезнь современных развитых стран. Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели / Отв. ред. В. А. Садовнический, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. С. 241–270.
3. Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 341–400.
4. David P. A., Solar P. A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // Research in Economic History. 1977. V. 2. P. 1–80.

References

1. Grinin L. E., Korotayev A. V. The relationship of long and medium-term cycles (Kondratiev waves and Juglar cycles). Kondratiev waves: long and medium-term cycles: Yearbook / Edited by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel 2014. P. 15–73 (in Russian).
2. Grinin L. E., Korotayev A. V. Deflation as a disease of modern developed countries. Analysis and modeling of world dynamics and country: the methodology and the basic model / Ed. edited by V. A. Sadvonichiy, A. A. Akayev, S. Yu. Malkov, L. E. Grinin. M.: Uchitel, 2015. P. 241–270 (in Russian).
3. Kondratiev N. D. Large cycles of economic conditions // Large cycles of conjuncture and theory of foresight. Selected works. M.: Economics, 2002. P. 341–400 (in Russian).
4. David P. A., Solar P. A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // Research in Economic History. 1977. V. 2. P. 1–80.

Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Коротаев А. В.

Эволюция ГЛОБАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: Закономерности, тенденции, модели

В парадигме исследований глобализации одним из ключевых элементов, несомненно, должна являться разработка системного видения динамики глобализационных процессов. Развитие такого видения обязательно предполагает не только спекулятивный обзор, но и постановку вопроса об измеримости процесса — какие показатели мы должны взять на вооружение, чтобы понять последние тенденции и перспективы глобализации и измерить их с максимальной точностью. Особое внимание в монографии уделено динамическим моделям глобальных процессов. В частности, глобальные процессы Великой конвергенции исследуются с использованием методов сетевого анализа. Предпринята попытка найти ответ на вопрос о

том, наблюдается ли в современном мире конвергенция (или дивергенция) ценностей.

Сочетание строгого количественного анализа с качественным подходом, учитывающим всю сложность действующих сил, делает данное издание уникальным исследованием мирового развития. Книга будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем, интересующимся проблемами мирового развития.